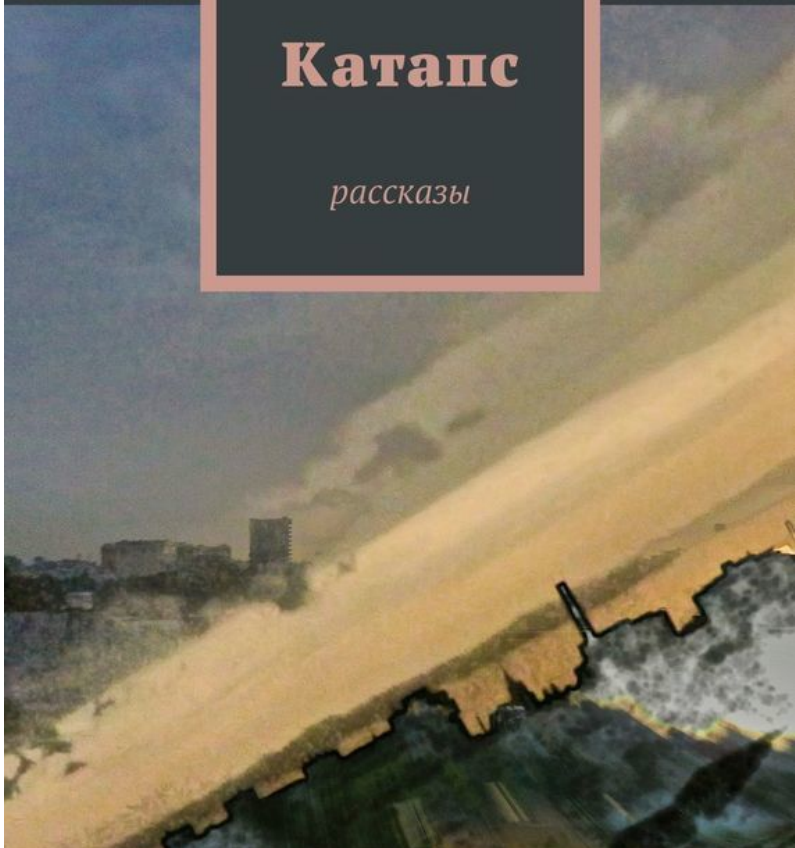

Михаил Алексаянц

Катапс

рассказы

Михаил Алексанянц

Катапс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12260597

ISBN 978-5-4474-3128-0

Аннотация

Этот сборник – скорее антисборник. На первый взгляд рассказы не имеют между собой ничего общего. От антиутопии – к реализму, от поэзии – к прозе, от любовной лирики – к эссе. В каждом рассказе мы попадаем в свою вселенную со своими правилами игры и атмосферой. И только дочитав книгу до конца, понимаешь, что все едино. Одна критически важная для нас, сегодняшних, мысль насквозь пронизывает все рассказы. Но ее не выразить парой фраз. Пожалуй, кратчайший способ выразить ее – эта книга.

Содержание

(Много)члены	5
Катапс	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Катапс
рассказы
Михаил Алексанянц

© Михаил Алексанянц, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

(Много)члены

– Откажись! – прошипел змееголовый.

Его янтарные зрачки вписаны в немограющие треугольники.

– Ну паачемууу? лааай ла-лааай...

«Зефира, – подумал Гумбольт, – или как ее там?.. Ну и старье крутят», – подумал Гумбольт. И еще раз подумал. Но уже что-то совсем неуловимое... И поэтому – зря.

– Стукни меня по голове, – он умоляюще посмотрел на змееголового. – Это невыносимо. Опять радиоволна сбилась на Ретро-фм.

– Чем, хвостом? – глаза змееголового оставались стеклянными, но в ретрансляторе голоса послышалась горькая насмешка над самим собой.

– А хоть и хвостом. Сейчас попробую наклониться.

Гумбольт осторожно, опираясь детскими, тонкими, как спицы, руками о стол, встал с кресла. Огромная его, с множе-

ством усовершенствований, голова с прекрасным встроенным в затылок монитором TeгаHD, который можно использовать как для демонстрации роликов, так и просто для задней мимики, превосходила габаритами ширину плечей. Красиво серебриющаяся на свету алюминиевая окантовка лица придавала Гумбольту всегда несколько высокомерный вид. В целом голова была спроектирована гармонично, без лишних деталей, которые так раздражают в других моделях голов, и представляла собой правильный параллелепипед с закругленными углами. Единственным недостатком был размер. Голова все время перевешивала, из-за чего Гумбольт в прямом смысле не мог шагу ступить. Но проблемы это не составляло: в голову редко приходило желание выйти из комнаты, а если Гумбольт и появлялся на людях, то исключительно – в коляске. Так что ходить почти не требовалось. Зато статусный, можно сказать, даже люксовый дизайн с лихвой перекрывал все неудобства. Если бы кто-то, кроме змееголового, увидел Гумбольта, он бы наверняка сразу вытянулся по струнке, прокашлялся, долго бы жал детскую ладошку, а потом ловил бы каждое его слово – вот какая была у Гумбольта голова! Остальные детали гардероба – замасленные на коленях твидовые брюки и сандалии в квадратную дырочку с квадратными носами с шерстяными носками (которые он поддевал зимой) – остались без финансирования.

Гумбольт, с трудом перебирая руками по спинке стула

и стараясь не потерять равновесие, опустил голову на пол и положил ее на боковую грань. Тело повисло на негнущейся шее, как растущее вбок хилое деревце.

Змееголовый ловко обвился вокруг ножки стола – видно было, что они проделывали это не впервые – и стукнул толстым чешуйчатым хвостом Гумбольта по голове.

– Еще раз!

Хвост свернулся в баранку и резко выпрямился снова, глухо шлепнув по алюминию.

– Не помогает, – изнеможенно пробормотал Гумбольт.

– Ну выключи его вообще. Зачем тебе радио в голове?

– Да ты что такое говоришь? – взорвался Гумбольт и стал злобно барахтаться, пытаясь встать. – Ползучий предатель! То откажись, то выключи радио. Ты и рад будешь, если вообще я ничего не получу. Меня номинировали на Нобелевскую премию, понимаешь ты это или нет, рептилья башка? Нобелевскую! У тебя что, каждый день такое происходит?

Глаза змея сохраняли бриллиантовое спокойствие, но ретранслятор в его горле захлебнулся приступом плоско воспроизводимого человеческого смеха. Отсмеявшись, змей

сполз с ножки стола и забрался обратно на кресло.

– Успокойся! Если выберут тебя, сами позвонят. Необязательно слушать весь день, что происходит в зале заседания.

– Конечно! – Гумбольт уже почти поднялся, но голова зацепилась монитором за край стола, и он крутил и елозил ей, пытаясь высвободиться. – Поверь мне, я знаю эту гниду Гамгольта: он может представиться мной, сказать благодарственную речь и заграбастать деньги. Надо внимательно следить за трансляцией. Надо держать ухо остро! Как не вовремя эти неполадки с радио! – он раздраженно рванулся, голова выскочила из-под стола, на секунду зависла в верхней точке, он попятился, чтобы удержать равновесие, споткнулся о шланг и грохнулся кверху ногами. Теперь он торчал из головы, как комнатное растение из кадки.

– Там, кроме тебя, еще две тысячи человек номинированы.

Гумбольт секунду смотрел на перевернутого змея испуганно, но потом снова зашебурился.

– Никто мне не конкурент в номинации Contemporary Redesign! – отрезал он, цепляясь ногами за край стола, чтобы создать рычаг. – Только этот хитрый негодяй может все

испортить. Только он. Неужто ты думаешь, что-то сравнится с моей ретрофутуристической рукой? Она уже (!) продается миллионами экземпляров. Но я хочу, чтобы меловечество* знало, кому обязано новинкой. Я мечтаю, чтобы на новой партии рук под логотипом разодранного ананаса красовалось мелким шрифтом: «powered by Gumbolt», – он уже привычно усаживался в кресло. – Это моя мечта... Да... Я с младенчества к ней иду. 7 долгих лет, всю сознательную жизнь, с тех пор, как установил голову и кропотливо обновляю ее каждые сутки. Да, я знаю, это очень смелая мечта, возможно, самая амбициозная из всех, что когда-либо выбирались из списка: мелкий шрифт рядом с великим брендом Pineapple. Разве не это – предел счастья для любого меловека**? Разве не об этом мечтают триллионы? Да, это почти невозможно, это менее вероятно, чем выиграть в лотерею... И тем не менее... И тем не менее... – губы его дрогнули, и задний экран показал грустный смайл со слезинкой, – Я почти у цели. Я – тот избранный, тот выдающийся, один на миллиард. Тот, кто придумал новый дизайн руки, который носят миллионы. Посмотри! – он выхватил из ящика стола что-то, похожее на батон докторской колбасы. – Разве она не прекрасна?

Батон оказался капсулой, которую Гумбольт вскрыл. По столу растеклась желтая слизь. Стало видно руку. Она была вариацией на тему природных конечностей, которые

бывали у млекопитающих. Длинные костлявые пальцы с за-
дубелыми зелеными когтями явно отсылали к романтиче-
ским историям про вурдалаков, которые стали особенно по-
пулярны этой осенью. Неслучайность аллюзии подчеркивал
встроенный перстень с черным софозитом – такой же, как
у любимого всеми героя неозэпоса. Футуристический вид ру-
ке придавал модуль, встроенный в запястье, стилизованный
под старую радиолу. Он мог мигать разными цветами, проиг-
рывать ретро-мелодии с 8-битным звуком и даже показывать
время – гениальное обыгрывание новейшего тренда возвра-
щения к истокам. Снизу вдоль всей руки блестящей полос-
кой шла молния. Она служила чисто декоративным элемен-
том и вращалась прямо в кожу. Ее следовало носить полурас-
стегнутой. Это смотрелось очень стильно, особенно массив-
ная застежка с выбитым на ней логотипом разодранного ана-
наса. К тому же – для самых придирчивых пользователей –
была оставлена возможность кастомизации: рука была до-
ступна в 3 цветах: серебро, жемчужно-белый и голубая гли-
на. Единственным неэстетичным местом было место сраста-
ния. Из него торчали обескровленные вены и кости, напоми-
ная, что рука по сути представляет собой кусок окоченевше-
го трупа.

– Разве это не достойно Нобеля? Разве я могу его не полу-
чить? – возопил Гумбольт и в сотый раз склонился над сво-
им произведением, рассматривая его и любовно поглаживая.

* меловечество – модифицированное человечество (прим. ред.).

** меловек – представитель меловечества (см. выше) (прим. ред.).

Змееголовый отрешился. Они сидели рядом, в комнате с серыми пустыми стенами. Окон не было. Ребенок с головой-будкой и змея, свернувшаяся колечками на кресле. Змееголовому почему-то вспомнилось далекое прошлое – когда он еще был человеком – как будто в другой жизни.

Почему он решил стать змеей?

Да он и не решал. Просто хотелось примкнуть к прогрессивной молодежи. Он приехал в столицу из крохотного приморского городка, где люди не знали ничего, кроме солнца и волн. Даже букв. Он выучился, нанял квартиру, устроился в планктонарий, но не мог сблизиться ни с кем из местных. Как будто через пленку. Все контакты стерильны и не выходят за установленные правилами рамки. Как будто на тебе – огромный склизкий презерватив, в котором задыхаешься.

Наверно, он не так выглядит. Не модный. Деревенщина.

«Ты – асекси, – объяснила единственная искренняя девушка, в которую он тут же влюбился, несмотря на то, что ее лицо было стилизовано под кошку. – Ты – неформат. У тебя нет ни пирсинга, ни тату, ни кубиков на прессе. Ты как будто из пещеры вылез».

Петя решил сделать татуировку на плече в форме змейки. Но в бьюти-салоне были очень добры и объяснили, что никаких змеек, конечно, они не делают, и хоть у них и есть машина для распечатки тату на все тело, даже это – позапрошлый век. Модный администратор с третьим глазом и ворохом симпатичных щупальцев за спиной провел ему ликбез: тема с тату исчерпала себя, когда в школах не осталось детей со свободным клочком на теле. Эти дети вырастали, тату расплывались, кожа зеленела, лица теряли черты от отвисших туннелей в губах, ушах и веках. Тело становилось непригодным для красоты. Время требовало нового слова в бьюти-индустрии. И его сказал великий Гэббс на своей презентации, ставшей потом легендой. Он совершил революцию. Он сказал: «Зачем нам модифицировать существующее тело, если можно создать совершенно новое? Иное... То, о котором вы всегда мечтали. Только представьте! Самые смелые ваши мечты обретут плоть и кров. Генетические модификации ограничены только вашей фантазией и кредитной историей. Мечтайте! Творите! Выберите себе новый форм-фактор! Я свой уже выбрал!» И с этими словами он стянул с себя водо-

лазку вместе с муляжной головой, и все ахнули. Вместо хилого человеческого торса под софитами сиял прочный насыщенно рыжего цвета панцирь рака. Рак ловким движением клешни перерезал ремень, и джинсы упали на пол, не оставив никакого напоминания о человеческом теле. Зал аплодировал стоя.

«Так что вливайся, братан, – добро хлопнул по плечу администратор в качестве логической точки в конце своего экскурса. – А то совсем древний. Как из Древнего Египта», – и он заразительно засмеялся. Прощаясь, администратор подарил Пете купон на скидку и посоветовал тщательно продумать будущий образ, потому что, как и тату, новое тело делается на всю жизнь. Поменять потом нельзя.

Действительно, на улицах внимание Пети все чаще привлекали экстремально креативные персонажи. Его сосед, например, стал пауком. В маршрутке он однажды увидел четырехрукого Горо из игры Мортал Комбат, который сидел сразу на двух сидениях, упираясь потным затылком в потолок. Но последней каплей стал корпоратив в планктонарию. Петя отчаянно забалтывал свою возлюбленную девушку-кошку; даже специально для нее достал ноздревую пасту, хотя сам никогда не употреблял. Она же, отойдя на минутку в туалет помазать нос, вернулась аж через час, с ошалелыми глазами, всклокоченная, и в обнимку с начальником отдела мар-

кетинга. «Он яркая индивидуальность, а ты – жалок! – почти выплюнула она ему в лицо, проходя мимо. – И дело совсем не в них, – добавила она злобно, но уже менее уверенно, поймав его взгляд. Он смотрел на начальника, у которого от подбородка до паха протягивался, как патронтажная лента, ряд разнокалиберных пенисов. Причем размеры их плавно увеличивались книзу, достигая нечеловеческих. По-видимому, каждая женщина планктонария мечтала испытать все виды удовольствий, сулимых его телом.

В тот день будущий змей ушел с корпоратива раньше положенного, пьяный и раздавленный. Он дал себе слово стать самой яркой индивидуальностью, какой только возможно.

В подъезде столкнулся с соседом-пауком. Тот был тоже пьян.

– Пропустим по рюмашке на ночь? У меня есть, – подмигнул сосед сетчатым глазом, и через мгновение они сидели у него на кухне.

– Это реальная тема, братан. Чем больше конечностей, тем круче. Я не знаю почему, но факт есть факт. Бабам только этого и подавай. Я сначала вообще хотел сороканожкой, но паутина... Паутина, понимаешь?... От паутины не смог отказаться.

Моргнул – и вот туалет. Паук что-то бормочет на кухне. Струя сильна. Голова чуть-чуть поспит на стене. Мысли... Мысли?.. Не. Ну ее. Пошла ты, сучка. Ту у меня попляшешь... Идем обратно. Где эта кухня? А че темно-то так? Где свет? Выключатель. Щелчок. Свет.

Блестящие белые нити заполняли комнату. Они лепились концами к стенам, под разными углами, разных толщин, образуя концентрический трехмерный узор. Он дотронулся. Липко и упруго. В середине комнаты в сгущении нитей что-то шевелилось и дышало.

Он, пошатываясь и сжимаясь в комочек, чтоб не зацепиться, полез на звук.

В паутине голая, с платмассовым шариком во рту, подвешенная за руки и за ноги в позе ласточки, с вульгарно торчащей прямо на Петю излапанной грудью, той самой, от которой ему довелось видеть только пухленькие верхушки, а остальное дорисовывало с благоговением воображение, висела его девушка-кошка.

Он отшатнулся. Учащенно заморгал. Отрезвел. Задрожал.

– Я тебя спасу. Только найти ножницы...

Он заметался по комнате. Рука перестала двигаться. Он дернул ей изо всей силы и, как резинкой от рогатки, потянутый обратно, влип весь в паутину. Он не мог двинуться.

– Сука! Западня! Гад! – заорал он, дергаясь.

– Как ты здесь оказалась? – обратился он к подвешенной, утихомирившись. – Ты же с этим пенисом осталась там...

Но девушка молча смотрела на него пустыми глазами. Через минуту на шум явился паук. Он одновременно освободил Петю и вытащил шарик изо рта у девушки.

– Что это за двурукий кретин? Сколько можно тебя ждать? – завизжала она металлическим голосом.

Паук засунул шарик обратно и покрепче затянул ремешок так, что она поперхнулась. Положив пару рук на плечо ошарашенному Пете и ведя его на кухню, он объяснил, что, да, ловит этих стрекоз, но они и сами не прочь, так как он – очень секси. А насчет внешней схожести с петиной возлюбленной – так пусть не беспокоится: лицо кошки сейчас у девушек так же популярно, как многорукость у мужчин. Они все на одно лицо – буквально.

Уходил будущий змей в смешанных чувствах. Он ничего не мог понять. Паук – развеселый озорник или маньяк?

За входной дверью он увидел оторванную женскую руку. Паук заметил это, но не смутился. «Да это я себе заказывал, но не подошла. Некрасиво смотрится женская. Вот и отгрыз. Надо выкинуть» – пояснил он.

На следующее утро Петя проснулся со стойким убеждением, что все это отвратительно, что он точно не будет делать себе много рук, и что сосед ему никогда не нравился, даже в человеческом обличье. Тупой конъюнктурщик. Если уж эта серость ратует за многорукость, то яркая индивидуальность должна делать все наоборот.

И точно. На сайте модных лекций он нашел видеоинтервью с иконой дизайна, который делился своим уникальным видением.

На сцене стоял огромный аквариум, внутри которого плавал дельфин.

– Это новый экспириенс, это радикальный опыт. Я живу аутентичной жизнью с дельфинами, спариваюсь с их самками, охочусь на мелкую рыбешку с товарищами. Я не стал устанавливать себе никакие ретрансляторы в горло. Все только натуральное. Полное эко. Человеческая речь, которую вы сейчас слышите – автоматический перевод издаваемого мной ультразвука.

Своим примером я хочу доказать, что культ конечностей, который продвигает Pineapple и на котором они зарабатывают триллионы, – фейк, фальшивка. Это развод для простаков. Как видите, можно жить полной прекрасной жизнью и без конечностей вообще. Да, пойти против толпы не просто, но именно это служит признаком истинно иного, высшего, мышления.

Всегда и везде были свои первопроходцы. Когда-то молодой парнишка впервые зататуировал себе все тело, другой вставил тоннели в веки, девчушка сменила пол. Вы все знаете о ком я говорю. Сейчас мы изучаем их в школе. Это наши герои, это предвестники современного GMA (Genetic Modification Art). А знаете ли вы, как им было нелегко? Их критиковали, не принимали, над ними издевались. Думали ли они, что вписывают свое имя в историю? Осознавали ли, что модифицируют свое тело навсегда? Что пути назад нет?

Какая разница! Они просто делали, что считали правильным. Они просто доверились себе. Да, конечно, с конечностями легче. Потому серая масса и выбирает этот путь. Первое время, признаюсь честно, мне было очень тяжело. Я каждый день подплывал к поверхности воды – она служит зеркалом – и говорил себе: никого не слушай! иди до конца! Ты

сам выбрал это путь. Никто не знает, что для тебя лучше, кроме тебя самого.

И у меня получилось. Через каких-то полгода они признали меня иконой дизайна. Но мне уже было глубоко наплевать на них. Я получил главное, к чему стремился. Я получаю удовольствие от жизни каждый день. У меня столько удовольствия, что никакому носовому мазильщику и не снилось. И уж конечно, множественные конечности этого дать не могут. Не в конечностях счастье.

И в заключении, отвечая на самый часто задаваемый мне вопрос, да, теперь ко мне можно присоединиться. Мы сейчас запускаем тренинг «Жизнь без конечностей. Первичная адаптация». Он просто необходим тем, кто принял решение. Подробности смотрите на сайте. По цене мы лояльны. Вип-тариф включает в себя совместное плавание в открытом океане, пикник из море-продуктов, и мою личную консультацию. И стоит всего 999 шекелей. Также есть тариф «Стандарт» и «Базовый».

Через неделю будущий змей уверенно шел в быути-салон. Он для себя все решил.

«Пусть временами будет тяжело, пусть без рук и ног многое станет недоступно, что ж. Зато я навеки впишу свое имя в историю Модифицированного искусства. Зато я стану ис-

тинно яркой индивидуальностью, а не дешевой подделкой, как все эти членистоногие петухи с пенисами на пузе. Я стану воплощением минимализма. Такого еще никто не делал. Как говорится, хорошо не то, к чему больше нечего прибавить, а хорошо то, от чего больше нечего убавить».

Из бьюти-салона он уже не вышел, а выполз. И сразу почувствовал, что совершил роковую ошибку, но быстро отогнал от себя дурные мысли, как рекомендовали на тренинге, и стал потихоньку приживаться в новом теле.

Змееголовый вернулся в реальность. Та же серая комната без окон. Тот же сетчатый диодный свет, расщепляющий тени на множество осколков.

Где все те молодые рассуждения? романтика преобразования? Куда все это делось по прошествии 20 лет? Где затерялся в просторах океана тот вдохновенный дельфин? Может, уже давно удобряет дно.

Все изменилось с тех пор. От генетических модификаций тренд снова перешел к пластическим, как у Гумбольта. Змей остался на обочине. Никто так и не оценил его радикальной метаморфозы. Его не вписали в историю. Девушка-кошка только презрительно глянула на него, фыркнула и даже не захотела говорить со змеей. С работы мягко уволили, объ-

яснив это тем, что у них не настолько прогрессивное заведение и они пока не готовы к сотрудникам-змеям. Единственное место, куда удалось устроиться, – эта лаборатория, где он помогает 9-летнему Гумбольту уродовать чьи-то отрезанные руки, вставляя в них погремушки.

Но самое обидное другое: родители. Они регулярно звонят и спрашивают как дела, не устают возмущаться, почему их сын не приезжает. Пытаются приманить купанием в море, кофейным загаром и фирменной маминой шарлоткой. Им невдомек, что он теперь боится воды, а от солнца линяет. Голос матери с каждым годом становится все скрипучее и слабее. Отец, седой, как береза, стал похож на высохшую копию самого себя (змея увидел его фотографию в емейле, которым отец по старинке пользовался). Родители мучительно пытаются понять, почему их любимый сын не приехал ни разу за 20 лет и не пускает их в гости. Может, на что-то обижен? От этой неразрешимости они болеют и чахнут. Надежда хоть еще раз увидеть сыночка гаснет с каждым днем, приближающим их к небытию.

– Откажись! – сдавленным голосом, еле сдерживая рыдания, прошипел змееголовый. Золотистые глаза, вмурованные в крепкую чешую, оставались, как всегда невозмутимы. – Откажись от премии пока не поздно, пока ты только номинирован. Позвони прямо сейчас и откажись.

– Откажись от всего этого дерьма, от этой грязи. Я тебя знаю, ты хороший человек, ты мне уже почти друг. Нам это не нужно, мы запутались, – лепетал змей, захлебываясь, с выражением лица пластмассовой игрушки. – Откажись, давай бросим все это и уедем ко мне, в Крым, к родителям. Они примут, они поймут. Они добрые... Это невыносимо. Так жить. Сделанного не воротишь. Мы так и останемся уродами. Но хотя бы остановить мясорубку. Заявить во всеуслышание... У нас есть шанс... Нет, остановить не удастся. Хотя бы не участвовать в этом безумии. Уедем...

– Что ты несешь, змей! Если ты сбрендил, то совсем не вовремя. У меня премия. Давай потом.

– Ты же совсем ребенок. Что ты с собой сделал? Зачем тебе это? Эта проклятая голова.

– Да заткнись, пожалуйста! – Гумбольт негодовал и стал нервно перекидывать предметы на столе.

– Я должен спасти тебя. Хотя бы тебя. Себя не удалось. Хотя бы тебя.

Змей замер на секунду, прислушиваясь к своему рептильему мозгу, который настойчиво подсказывал какое-то дей-

ствие. Он был взбудоражен, а когда мозг взбудоражен, тут же просыпается лимбическая система и берет управление на себя. У змея она была змеиная. Он почувствовал, как теряет способность рассуждать и становится просто сторонним наблюдателем за своим телом. Змей сжала внутренние мышцы до какой-то приятной щекопящей боли и тут же резким толчком разжалась, как пружина. Змей успел только заметить, что перед ним уже – розовая детская шея. Он прокусывает ее и испытывает странное оргазменное удовольствие, выпрыскивая из клыков яд.

Гумбольт без слов повалился на пол. Алюминиевая голова звякнула о кафель, как пустая кастрюля. На затылочном экране включилась трансляция Нобелевской премии.

Змей, еще не приходя в себя, как замороженный, смотрел на экран.

Осьминог, подвешенный на цепях, летал над сценой с микрофоном и грандиозно представлял членов жюри. Потом в фиолетовых лучах славы, с лентами через плечо, на которых красовались надписи: «мистер дизайн», «мисс модификация», «мадемуазель Бовари», стали выходить номинанты. Каждый говорил прекрасные слова про мир во всем мире, про роль прогресса, силу искусства и проч.

И прочь вдруг со сцены полетела «миссис сис». Ее единственная огромная – воздушным шариком – грудь спасла ее,

самортизировав удар, после чего она второпях удалилась.

Номинанты стали разбегаться и хаотично прыгать со сцены в меру своих возможностей. В луче славы, почему-то педантично сопровождавшем его, по сцене бежал Гумбольт. В руке он сжимал какой-то шест.

В этот момент змей очнулся и судорожно попытался сообщить, что происходит и как это может быть, что мертвый Гумбольт лежит сейчас перед ним и на его экране, работающем только на остаточном электричестве умирающих нейронов, показывают в прямом эфире живого Гумбольта, еще и расстраивающего премию.

Гумбольт на удивление легко бежал. Его огромная голова ничуть не мешала ему. Он прямо на бегу запустил шестом в осьминога. Тут стало ясно, что это электрокопье. Оно на лету ускорялось и корректировало траекторию, точно нацеливаясь на летающего ведущего.

Копье воткнулось в мягкую плоть морепродукта, ахнула искра и что-то вроде молний пробежало по цепям. В тот же момент экран потемнел. Зал наполнился гулом.

Вдруг из темноты всплыло лицо Гумбольта, и змей понял, что это не совсем Гумбольт. Черты были те же, но вот выражение совсем другое – жесткое и бескомпромиссное. Соп-

ляк Гумбольт при всем желании был не способен на такой взгляд.

Гумбольт сказал:

– Я, Гумбольт, номинирован на Нобелевскую премию за выдающееся изобретение нового дизайна для руки. А такое ли оно выдающееся? Вдумайтесь, я ничего не изобрел, ничего не создал. Я просто покромсал существующую руку. А другие? Хоть кто-то из 2000 номинированных достоин хоть чего-то? Нет, это все детский лепет. Услышьте меня, люди. Мы нелепы. Мы уже давно не способны создавать ничего, кроме мусора. Все наши новинки мертворожденны. Мы копаемся в собственном дерьме и сгниваем заживо. Я отказываюсь, публично отказываюсь от премии, потому что недостоин и копейки за свои измышления, не то что миллиарда шекелей.

В этот момент раздался выстрел и голова Гумбольта развалилась на алюминиевые стенки, оказавшись лишь муляжом и обнажив реальную круглую живую человеческую голову. Это была голова Гамгольта, брата-близнеца Гумбольта, который в свое время не стал встраивать в голову апгрейды и остался ребенком. Послышались еще выстрелы, но Гамгольта в кадре уже не было.

Экран потух. Было время обедать. Змей подполз к мерт-

вону Гумбольту, а точнее, к его руке, открыл рот пошире, медленно заглотил ее всю и стал ждать, когда она переварится. Не пропадать же добру.

Катапс

Я сидел и стоял. В смысле: сидел в машине, а стоял в пробке. Я тогда работал менеджером по продажам фальшивых лекарств бабушкам по телефону за сорок тысяч баночка в бизнес-центре Плаза, что на Красносельской. Водил я Фордфокус и вот на нем выехал с парковочки и встал. Впереди была эстакада, а чуть дальше – Сокольническая высотка бизнес-класса с бассейнами на крыше, видовыми квартирами с окнами в пол и пентхаусами с персональными лифтами на последних этажах. Еще лет пять – и можно прикупить там квартирку в ипотеку.

Вечерний боковой свет делал здания оранжевыми, как в той песне, а небо ванильным, как в том фильме.

Но этот выхлопной газ, но эти грузовики, но эти резкие и всегда неожиданные, хоть и постоянные, взвизгивания сигналов соседних машин, но эта жара, но этот непомогающий кондиционер, потом-таки помогший, но заморозивший меня. И никуда не пробиться. И никуда не добраться. Как я это ненавижу. Сколько раз в порыве я этому городу желал сгореть в адском пламени. Потом, конечно, раскаивался, вспоминая сколько чудесных людей здесь живет, особенно пенсионеров, – это только тех, что я знаю. А скольких чудесных людей я не знаю? А зря. А знал бы, квартирка ближе бы была, моя квартирушка, хотя бы однушечка, пусть даже с ви-

дом на выхлопные газы дорожные, зато поближе куда-нибудь к пентхаусу, может, под ним прямо, авось встретишь в лифте Человека: «Как ваше не хочу?», посмеетесь, а там и дальше до чего дойдет, а если дамочкой окажется с ножками, как эта в Лексусе рядом? А, ну да, у них же отдельный лифт, забыл... А эта в Лексусе небось туда и едет, сучка с надутыми губами. Она поймала мой взгляд снизу (лексус – джип) и презрительно отвернулась, как будто попробовала лимона, и у нее вскочила оскомина.

И вот. Раскаивался. Но в следующей пробке опять я срывался. Никуда не пробиться, никуда не сорваться. Ненавижу этот город. Ну, это я уже рассказывал.

И тут мои саморефлексирующиеся, как говорится (психологами), вернее раньше говорилось (психологами), мысли прервались. Я увидел сквозь лобовое стекло второе солнце.

Аж шею свело. Но это действительно: в небе что-то ярко светилось, так же ярко, как солнце, даже, может ярче, чем солнце, ну, или почти так же ярко, как солнце. Я пригляделся. У второго солнца был малозаметный, то пропадающий, то сызнава возникающий – такой, в желтых тычинках – хвост.

Что? Комета? Так близко? Я не мог уверовать в свои глаза. Я, было, включил радио, чтобы послушать, не говорят ли чего про нее по нему. И тут она посинела, потом стала фиолетовой, потом стала красной, потом стала желтой, потом стала зеленой. Потом, будучи уже опять белой, сорвалась со сво-

его места на небе и резко упала вниз, на Землю. И воткнулась прямо в мою блестящую стеклянную Сокольническую высотку.

У меня только успела смекнуться мысль: «Выскакивай из своего Фордфокуса!!» Но я ничего не успел. Взрывная волна за долю секунды дошла до меня.

Вот что я увидел.

Это было последнее, что я увидел – в общепринятом смысле слова «увидел». После этого я, конечно, тоже много чего видел, но уже не теми глазами.

Высотка крошится на маленькие блестящие кусочки и сдувается вбок, как пыль одуванчика. Вместе с ней выкорчевывается дорога вместе с насыпью и превращается в асфальтовые огрызки, которые тоже улетают в сторону. Следующей срывается с устоев эстакада, которая уже ближе ко мне. У нее – та же участь: уже в воздухе, летя, она атомизируется в пыль вместе с машинами, которые были на ней. И вот дошло дело до меня. Сиденье вырывает у меня из-под задницы вместе со всей машиной. Я ловлю взглядом один кадр: машина надо мной висит в воздухе, ее корежит, выкручивает винтом, рвет. В последний момент успеваю заметить, что руль уже торчит где-то снаружи этого металлического месива, как круглая дверная ручка, прикрученная к куче дерьма, и следующий момент – ее уже нет, тоже – в пыль, которую унес ветер.

Я стою на земле с задранной вверх головой и вижу,

как расчищается небо от всей этой пыли и становится чистым-чистым-чистым и таким синим, что в глазах режет. Такое синее небо я видел только раз в детстве, после того как отчим, после того как я вышел из больницы, после того как он наказал меня, купил мне билет на самолет. И то не такое. Я посмотрел вниз, на ноги. А они – босые и стоят не на асфальте, а на зеленеющих прозрачных на свету травинках. А на месте той высотки не котлован изуродованных коммуникаций, как полагалось бы, а нетронутый густой лес круглыми вязаными шапочками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.